

и другими душеполезными текстами восстановленного нами сборника, а затем создавшие монтаж из этих двух произведений? Здесь необходимо вспомнить о полифункциональности «Наставления» в истории европейской цивилизации. И. Шевченко подчеркивает, что вплоть до восемнадцатого столетия труд Агапита воспринимался «на Западе, равно как на Востоке, в качестве политического трактата, руководства по греческому языку и сборника моральных наставлений».³⁶ Дело доходило до откровенного обмана, когда неизвестный итальянский переводчик «Наставления» (1545 г.) обещал читателю, что тот узнает из книги об «обязанностях отца перед сыном, хозяина перед слугами, и как человек должен вести себя богоугодным образом».³⁷ В двух ипостасях — как политическая декларация и как душеполезное чтение — выступало сочинение Агапита и в славянской письменности. Различные возможности прочтения книги как нельзя лучше выражают варианты ее заглавия: если список ИРЛИ, Р. IV, оп. 24, № 26 обращает «Наставление» «к царем и князем», то списки ГИМ, собр. Барсова, № 1395 и ГПБ, Софийское собр., № 1320 адресуют его, кроме того, «боляром, и к епископом, и ко игуменом»; в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 489 добавлено, что читать Агапита «лепо есть и черньцем», а в рукописи БАН, Архангельское собр., С. 17 его книга рекомендуется «шопом».

Мы лишены возможности узнать, отражает ли соседство «Наставления» и «парафразы» в реконструированном преславском сборнике композицию греческой рукописи, с которой переводились то и другое сочинения.³⁸ Однако уже само по себе присутствие «Наставления» среди правоучительных и вероучительных произведений нашего сборника наводит на мысль, что политический трактат Агапита рассматривался в эту эпоху как душеспасительная книга. Политические ноты были решительно устранены из «Наставления» и безымянным автором выборки, трудившимся, как мы теперь знаем, все в той же симеоновской Болгарии (ср. особенно яркий пример во фр. 11, где автор выборки удалил из перевода обращение «благочестивому царю»); эту тенденцию компилятора подметил и И. Шевченко.³⁹ Факты свидетельствуют против предположения того же исследователя, будто «Наставление» Агапита необходимо было болгарским правителям, потому что поддерживало их политические претензии. Скорее, можно думать, что «зерцало» константинопольского диакона привлекло новообращенных славян как собрание моралистических гном общечеловеческого значения.

Как было сказано, новые источники кодекса 1076 г. не единственное, что может извлечь славист из реконструированного нами сборника X в. Позволю себе обратить внимание на следующее. Опознав два неизвестных ранее источника статьи «Наказание богатым», мы получили в руки новое подтверждение того, что составитель архетипа Изборника 1076 г. обращался не к греческим оригиналам, а к существовавшим уже славянским переводам произведений. Похоже, что таков был принцип работы компилятора. Но это означает, что находя в Изборнике 1076 г. и родственных ему рукописях какой-то отрывок, который может быть возведен к архетипу, мы с большой долей вероятности можем говорить о наличии в славянской письменности полного перевода книги, откуда взят этот отрывок. Этот вывод может быть экстраполирован на другие компиляции X в., которые В. Федер предложил называть «низовой литературой» (не в эстетическом,

³⁶ Ševčenko I. *Agapetus East and West*. P. 20.

³⁷ *Ibid.* P. 13, n. 40.

³⁸ Во всяком случае мне неизвестны греческие рукописи, где бы эти тексты стояли рядом.

³⁹ Ševčenko I. *On Some Sources...* P. 728—729. — Имперская идеология, отраженная в «Наставлении», тем более чужда древнерусской письменности раннего периода, куда проникла болгарская выборка. См.: Franklin S. *The Empire of the «rhomaioi» as viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantium*. 1983. T. 53, fasc. 2. P. 507—537, especially 532.